А. Н. Ужанков

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРСКОЙ ИДЕИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.»
(Ап. Павел, 1 посл.,гл.5,5)

...Всемилостивый Господь Богъ гордымъ противиться и светы (планы, замыслы) ихъ раздруши...»
(«Ипатьевская летопись» под 1184 г.)

Полностью разделяю мнение известного медиевиста Рикардо Пиккио: «Если мы действительно сможем поместить «Слово о полку Игореве» в его естественный религиозный контекст, мы будем способствовать преодолению вековых предубеждений»[1]. Под вековыми предубеждениями следует понимать мнения о «Слове» как языческом произведении, или же подделке XVIII века.

Ведущей темой всей древнерусской литературы была тема спасения души человека. Она пронизывает Новый Завет и находит воплощение во многих (если не во всех) евангельских притчах, но наиболее известная из них — притча о блудном сыне (Лука,15;11—32).

Своеобразной ее интерпретацией предстает и «Слово о полку Игореве». Но чтобы предпринять герменевтическое толкование этого остающегося до сих пор загадочным древнерусского творения, нужно отыскать ключи к раскрытию многочисленных авторских загадок «Слова».

Рассмотрим первую из них.

Когда было написано «Слово о полку Игореве»?

Время написания древнерусского произведения позволяет правильно определить его *идею*. Только ли «суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ», — как полагал Карл Маркс[2] и как вторят ему многие учебники?

Исходя из этого утверждения К. Маркса, можно подумать, что русские князья уже знали или догадывались о будущем монголо-татарском нашествии, и они, а не автор, призывали самих себя к единению …

Обратимся к самому произведению.

При датировке «Слова о полку Игореве» исследователи исходили из посыла (по умолчанию), что «внутреннее время», т.е. «художественное время» произведения, неукоснительно совпадает со временем реальным, т.е. «внешним», когда работал сам автор. «Слово о полку Игореве», таким образом, воспринимали, чуть ли не как репортаж, во всяком случае, как произведение, написанное «по горячим следам»: или после бегства князя Игоря из плена (1185 г.); или после возвращения Владимира Игоревича с Кончаковной и ребенком (1187 г.) на Русь. Правда, высказывалось мнение, что «Слово» могло быть написано и немногим позднее, но еще при жизни основных участников похода — Святославичей — Игоря и Всеволода, т.е. до 1196 г., года смерти Всеволода, умершего раньше брата; или же после смерти в 1198 г. Ярослава Черниговского, к которому «Слово» относилось явно недоброжелательно и т.д.[3].

Как мне представляется, выявить время работы автора над произведением помогают авторские экскурсы за пределы 1185 года — «внутреннего» времени произведения — в современное ему «внешнее» время. Попросту говоря, необходимо определить круг событий, отразившихся в «Слове», но произошедших уже после похода Игоря Святославича в 1185 году.

Верхняя граница знаний автора выявляется довольно легко, уже в самом начале «Слова»: «Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимера до *нынешняго Игоря*…»

Поскольку герой «Слова» Игорь Святославич умер 29 декабря 1201 года, то, стало быть, произведение написано до этой даты, ибо Игорь назван «нынешим» князем, т.е. еще живым.

А далее мы сталкиваемся с целым рядом художественных отражений событий, выходящих за рамки 1185 г.

Так, в диалоге Гзака и Кончака содержится явный намек на потерю половцами «сокольца и красной девицы», т.е. на возвращение из плена Владимира Игоревича и Кончаковны в 1187 г.

Во «сне Святослава», как его тонко интерпретировала Н.С. Демкова, чувствуется знание автором о смерти Киевского князя 27 июля 1194 г. О том же говорят и авторские слова: «Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити къ горамъ Киевьскымъ: сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы».

Рюрик Ростиславич стал киевским князем после смерти Святослава в июле 1194 г. и правил Русской землей со своим братом Давыдом по лето 1201 г. При жизни Святослава следовало бы говорить о другом дуумвирате — Рюрика и Святослава[4].

Б. А. Рыбаков обратил внимание, как на датирующий признак, на поход Всеволода Большое Гнездо в 1183 г. на Волгу во фразе: «Великый княже Всеволоде!.. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити», но оставил без внимания ее продолжение, «а Дон шеломы выльяти». Поход Всеволода Суздальского на Дон состоялся в 1198 г. (Лавр. лет. 1199), возвратился он 6 июня в субботу.

Странной кажется фраза в конце «Слова»: «Игореви князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу». «Слово» заканчивается тем, что «Игорь едетъ по Боричеву къ Святей Богородици Пирогощей», но это — не «отчий престол».

По Ипатьевской летописи Игорь бежит в Путивль, где его ожидала жена, а затем в Новгород-Северский. Но и это — не «отчий престол».

Фраза станет понятной, если учесть основную идею произведения — наказание князя Игоря за гордыню и его прощение после покаяния. По смерти Ярослава Всеволодовича в 1198 г. Господь посылает Игорю, по его смирению, отцов Черниговский престол.

И, наконец, Роман Галицкий, упоминаемый в «Слове» как покоритель половцев, не мог ходить на них ранее 1198 г. (по Н. Ф. Котляру) или 1200—1201 гг. по Н. Г. Бережкову и М. С. Грушевскому[5].

Таким образом, в «Слове о полку Игореве» отразились события, современные автору вплоть до 1199—1200 гг.

Следовательно, можно заключить, что «Слово» было написано между 1200 — летом 1201 гг. Тогда открывается и еще один смысл произведения. На него указывают экскурсы автора в прошлое, столетней давности, и современные ему события: от начала вражды в 1078 г. двух княжеских ветвей — Ольговичей (князей черниговских) и Мономаховичей (князей переяславльских и киевских) — и ее окончания в 1198 г., когда произошло примирение главы Мономаховичей — Рюрика Ростиславича Киевского и главы Ольговичей — Игоря Святославича, князя Черниговского. Об этом свидетельствует и «Слово о князьях», написанное в это же время.

«От старого Владимира до нынешнего Игоря»

Уже в самом начале своего повествования, выражая желание изложить «повесть сию отъ *стараго Владимера до нынешняго Игоря*, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужествомъ; наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую за землю Руськую»[6], — автор «Слова» ставит перед нынешним читателем сложную проблему — разгадать, кого он имел ввиду, называя «старым Владимиром»: Владимира Святославича,

крестителя Руси, или Владимира Всеволодовича Мономаха, неоднократно бившего половцев?

Медиевисты до сих пор не пришли к единому мнению по этому поводу. Первые издатели отдали предпочтение Владимиру Святославичу. Позднее этой точки зрения придерживались Д. Н. Дубенский, А. В. Соловьев, Д. С. Лихачев, В. И. Стеллецкий, Л. А. Дмитриев, Н. А. Мещерский, О. В. Творогов, В. В. Кусков.

Первым признал в «старом Владимире» Владимира Мономаха Н. Головин. Его мнение разделили С. М. Соловьев, В. Ф. Ржига, С. К. Шамбинаго, Б. Д. Греков, Н. К. Гудзий, А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков[7].

Но так ли это важно, какого именно князя подразумевал автор «Слова»? Несомнено, поскольку, как увидим ниже, это не просто указание на временные границы повествования, а ретроспективное сопоставление (точнее даже противопоставление) двух древнерусских князей!

Загадкой начал «Слово», ею же и закончил: «Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Руской земли... Игорь едетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели» (С.30–31).

Почему это вдруг князь оказался не в стольном граде своего княжества -Новгород-Северске, и даже не в Чернигове, а в Киеве, и направляется не куда-нибудь, а в Богородичную церковь Мономаховичей — своих врагов?! И почему «страны и гради» веселятся по этому поводу?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, нам придется воспользоваться приемом ретроспективной исторической аналогии и рассмотреть два временных пласта — XI и XII вв. — в «Слове о полку Игореве».

Сосредоточим наше внимание пока на двух центральных темах «Слова»: княжеских междоусобицах и набегах половцев на Русскую землю.

Начинаются они почти одновременно и оказываются тесно взаимосвязанными на протяжении XI—XII вв.

Впервые половцы совершают набег на Русскую землю в 1061 году: «В лето 6569. Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать. Всеволодъ же изиде противу имъ…И бившимъся имъ. победиша Всеволода. и воевавше отидоша. се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ»[8].

Хочу обратить внимание, что первым от половцев пострадал Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, князь Переяславльский и его княжество.

Первым приводит «поганых на Руськую землю» Олег *Святославич* (с Борисом Тмутораканским) против Всеволода Ярославича и одерживает над ним победу 25 августа 1078 г.

Вторым — в 1079 г. Роман *Святославич* из Тмуторакани — и опять против Всеволода Ярославича.

В третий раз — опять Олег *Святославич* в июле 1094 г. против сына Всеволода Ярославича — Владимира Мономаха, и отбирает у него Чернигов.

Обращает на себя внимание тот факт, что половцы выступают союзниками черниговских князей — Святославичей (в последствии — Ольговичей), а Всеволод Ярославич и Мономаховичи воюют постоянно против половцев, и часто — с Ольговичами. Академик Д.С. Лихачев даже назвал Олега Святославича — «Гориславича» «Слова о полку Игореве» — «заклятым врагом» Владимира Мономаха[9].

Но это — далеко не так. Точнее — совершенно не так.

При жизни Святослава Ярославича, отца Олега, князя Черниговского, а затем и Киевского (с 1073 по1076 гг.) двоюродные братья Олег и Владимир были очень дружны. Они ходили в совместный поход против Чехов (как союзники поляков). По возвращении из похода Владимир узнает о рождении своего первенца — Мстислава (Гарольда), крестным отцом которого становится Олег.

Однако после смерти Святослава Ярославича в Киев возвращается, изгнанный им и Всеволодом, старший Ярославич — Изяслав. Всеволод Ярославич перебирается из Переяславля южного в Чернигов. При этом он ограничивает свободу его истинного хозяина — Олега и отдает свою вотчину — Переяславль — сыну Владимиру Мономаху.

Олег же оказывается без княжеского удела в Русской земле и в последующие годы силой пытается установить справедливость, становясь на защиту интересов всех Святославичей, оказавшись после гибели в 1078 г. Глеба Святославича старшим среди них.

Прежде, однако, он подводит Владимира Мономаха, поручившегося за него перед отцом на Пасхальной неделе, 8 апреля 1078 г., когда Владимир посетил отца и пригласил на праздничный обед своего кума. Олег Святославич через день бежит из Чернигова в Тмутаракань, а в августе возвращается с половцами... Выиграв первую битву 25 августа, во второй, на «Нежатиной ниве», терпит поражение. В ней погибает и князь киевский Изяслав Ярославич. В этой битве уже единым фронтом с отцом выступает и Владимир Мономах — против двоюродного брата и кума.

Олег опять бежит в Тмутаракань, откуда его выкрали греки (хазары) и заточили на острове Родос[10]. Вернулся он только спустя четыре

года, в 1083 г., сидит в Тмутаракани, а в 1094 г. появляется с половцами под Черниговом.[11]

За время его отсутствия полноправным правителем в Русской земле становится Всеволод Ярославич. Как заметил В.В. Кусков, при странных обстоятельствах в 1078 г. убивают старшего Святославича — Глеба, и в том же году, на «Нежатиной ниве», союзника Святославичей и двоюродного брата Бориса Вячеславича. Смертельный удар в спину копьем получает стоявший вдалеке от сражения киевский князь Изяслав Ярославич. В 1079 г. погибает и другой Святославич — Роман Тмутораканский.

Похоже, Всеволод Ярославич расчистил себе путь на Киевский престол, а сыну — Владимиру Мономаху — на Черниговский[12].

Однако Владимир Всеволодович, являя собой пример благоверного князя, за что и стал почитаем как святой[13], не пошел по стопам отца, но ***смирением*** своим достиг Киевского престола.

После смерти отца в 1093 г. он уступает Киев Святополку Изяславичу, хотя, если бы захотел, мог бы отстоять его силой. В 1094 г. уступает Чернигов Олегу Святославичу, не желая кровопролития. Более того, прощает куму и двоюродному брату убийство своего второго сына Изяслава под Муромом (Изяслав не по праву занял вотчину Олега Святославича). Любечский съезд 1097 г. закрепляет мир между князьями (кстати, произошел он в Черниговском княжестве). Более того, Олег Святославич принимает участие практически во всех походах русских князей против половцев, начиная с 1101 г. (1103, 1107, 1111, 1113 гг.).

После смерти князя Святополка Изяславича в 1113 г. по праву старшинства, заповеданного Ярославом Мудрым, в Киеве должен был сесть Олег Святославич, но на престоле оказывается... Владимир Мономах! Мало того, что Олег Святославич уступил Владимиру Киевское княжение, он еще и выступил, чтобы защитить столицу Руси, против половцев, прознавших о смерти киевского князя. Незадолго до смерти Олег Святославич вместе с Владимиром Всеволодовичем организовывают совместное торжество по перенесению 2 мая 1115 г. мощей святых Бориса и Глеба, как символ «братней любви».

Какое имеет отношение к «Слову о полку Игореве» история взаимоотношений двух княжеских родов — Мономаховичей (Всеволодовичей) и Ольговичей (Святославичей)? Как оказалось, самое непосредственное!

Во-первых, во времена Игоря Святославича соправителями в Киеве были Ольгович Святослав Всеволодович (власть в Киеве) и

Мономахович Рюрик Ростиславич (власть в Киевской земле). Причем, именно Рюрик Ростиславич пригласил в соправителе Святослава Всеволодовича.

Походу 1185 г. предшествовал февральско-мартовский поход объединенных русских войск 1183 г., под предводительством Ольговича Игоря Святославича против пришедших под Чернигов половцев. Игорь отказал Мономаховичу Владимиру Глебовичу, князю Переяславльскому (вотчина Всеволодовичей-Мономаховичей) в просьбе «ездити напереди полков». Тогда Владимир Глебович в отместку пустился разорять Игоревы земли. Ответ Игоря не заставил себя долго ждать. Незадолго до апрельского похода 1185 г. на половцев Игорь Святославич «берет на щит» город Глебов у Переяславля — княжестве Владимира Глебовича.

Налицо новый конфликт Мономаховичей и Ольговичей, в который втягиваются и половцы: во время плена Игоря Святославича его сват Кончак разоряет земли Мономаховичей под Переяславлем.

Здесь, однако, возникает еще одно ретроспективно-смысловое сопоставление: Владимира Мономаха — «старого главу Мономаховичей» и Игоря Святославича — «нынешнего главу Ольговичей»[14].

Вспомним о высказанной самим Игорем Святославичем цели похода в 1185 г.: «Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону» (С.10—11).

Стало быть, цель Игоря — Дон.

Но здесь сразу же возникает ретроспективная историческая аналогия с Владимиром Мономахом: «Тогда Володимерь и Мономахъ пилъ золотом шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ (половцев — А.У.) всю и загнавшю оканьныя агаряны» во главе с половецким князем Отроком за «Железные врата»[15].

После смерти Владимира Мономаха Сырчан посылает к Отроку гудца, чтобы тот убедил Отрока вернуться в Половецкую землю. Вдохнув запах степей — траву евшан — Отрок возвращается в родные места. Именно от него родился Кончак, сват Игоря, и, естественно, недруг Мономаховичей. Вот почему он мстит переяславльскому князю Владимиру Глебовичу Мономаховичу.

Но это не единственная и не основная ретроспективная параллель между Владимиром Мономахом и Игорем Святославичем. Есть куда более значимая по смыслу. Я имею ввиду поход к Дону весной 1111 г. ряда русских князей, предпринятый по инициативе Владимира Мономаха.

Так же, как и в начале похода Игоря, ему предшествует небесное знамение: «В то же лето бы знаменье в Печерьскомь манастыри февраля въ 11 день. Явися столпъ огненъ от земля до небесе, а молнья освитиша всю землю. И на небеси погреме в часъ 1 нощи. Весь миръ виде...»(Стлб.260—261).

Интересно отметить, что и солнечное затмение во время похода Игоря Святославича произошло так же в 1 час ночи[16]. Но солнечное затмение в роду Святославичей предвещало гибель князя. По наблюдению А.Н. Робинсона, «двенадцать солнечных затмений в течение одного века... (С 1076 по 1176 гг. — А.У.) оказались совмещающимися со смертью (естественной или насильственной) 13-ти представителей изучаемой ветви княжеского рода Рюриковичей»[17]. Именно поэтому столь удручающе подействовало затмение солнца на бояр, сопровождавших Игоря: «Они же узревше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «Княже! Се есть не на добро знамение се» (Стлб. 638).

А огненный столб — явление ангела!

«Се бо анеглъ вложи въ средце Володимеру Манамаху пооустити братью свою на иноплеменникы Русьскии князи. Се бо якоже рекохомъ видинье видиша в Печерьскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на тряпезнице, таже преступив на црекввь... Ту бо бяше Володимеръ... И тогда се анеглъ вложи Володимеру въ средце нача понужати, якоже рекохомъ» (Стлб.268).

Чем, таким образом, отличаются между собой оба похода? Да тем, что Владимир Мономах выступает по Воле Божией, а Игорь Святославич по своему желанию славы, т.е. по гордыне своей!

Да и в разное время они предпринимают походы. Сравним хронологию обоих походов:

Владимир Мономах	*Игорь Святославич*
11 февраля 1110 г. в 1-й час ночи знаменье.	21 апреля 1185 г. — Пасха.
12 февраля — Прощеное воскресенье.	23 апреля 1185 г. на Светлой седмице, на день памяти Св. Георгия Победоносца, т.е. на свои именины Игорь, выступил в поход. Это — святотатство!
13 февраля — начало Великого Поста.	1 мая в 1-й час ночи — солнечное затмение.
26 февраля во второе воскресенье Великого Поста выступили в поход.	

Владимир Мономах	*Игорь Святославич*
24 марта — пятница — 1-я битва и победа.	10 мая — пятница — 1-я битва и победа.
27 марта — понедельник Страстной недели, перед Пасхой — победа.	11 мая — суббота — начало битвы. «Третьего дни к полудню падоша стязе Игоревы». Т. е. поражение произошло тоже в понедельник?! Но по летописным источникам — в воскресенье!
2 апреля — Пасха.	Июнь 1185 г. бегство Игоря из плена.

Совершенно очевидно, что поход, начатый на Пасхальной Светлой седмице не мог изначально иметь успех, о чем и предупреждало Игоря Святославича солнечное затмение.

Можно и далее провести параллели между этими двумя походами.

1). Оба князя ведут своих воинов к Дону Великому, но в разные места. Владимир Мономах дает решающую битву *на границе* Руси и Половецкой степи, у города Шаруканя, у начала Дона, когда он течет еще по Русской земле. Игорь Святославич направляет свои войска в середину Половецкой земли и далее — к устью Дона![18] Поход Владимира Мономаха преследует оборонительные цели; поход же Игоря Святославича получается *завоевательным!*

2). Владимир Мономах встречается перед началом похода со Святополком на Долобске: «Рече Святополкъ: “се азъ брате готовъ есмь с тобою...” И въста Володимеръ и Святополкъ и целовастася и поидоста на Половце» (Стлб.265).

И Игорь Святославич встречается со своим братом Всеволодом. «И рече ему буй туръ Всеволодъ: «...Седлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови...» (С.11—12).

3). Владимир Мономах идет в поход 1111 г.с сыновьями и племянниками: «и поидоша возложивше надежю на Бога и на Пречистую Матерь Его. и на святыя ангелы Его и поидоша въ 2-ю неделю поста, а въ пятокъ быша на Суле..., а в неделю поидоша в нюже хрестъ целують...И възложиша всю свою надежю на хрестъ со многими слезами. И оттуде приидоша многи реки... и поидоша к Донови въ вторникъ. и оболичишася во броне и полки изрядиша и поидоша... и князь Володимеръ пристави полкы своя едучи предъ полкомъ пети тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ Святой Богородици...» (Стлб.266).

И Игорь Святославич идет в поход 1185 г. с сыном и племянником: «Мужаимеся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!» (С.21).

Владимир как благоверный князь возлагает надежду на помощь Божию, Игорь рассчитывает только на свои силы. Различаются цели похода, различаются и подходы в их осуществлении.

4). В обоих походах первая битва приходится на *пятницу*.

Поход 1111 г.: «В *пятницю* завътра месяца марта въ 24 день собрашася Половци изрядиша Половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши възложише надежю свою на Бога и рекоша:» оубо смерть намъ зде. да станемъ крепко.» И целовашася другъ друга. възведше очи свои на небо. призываху Бога Вышняго. и бывшю же соступу и брани крепце. Богъ Вышний возре на иноплеменникы со гневомъ. падаху предъ хрестьяны. и тако побежени быша иноплеменьници. и падоша мнози врази наши супостати предъ Рускыми князи и вои... И поможе Богъ Рускымъ княземъ. и въздаша хвалу Богу въ тъ день» (Стлб.266—267).

Поход 1185 г.: «И рече Игорь къ дружине своей: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти...» А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому... Игорь къ Дону вои ведетъ!.. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы. Съ зарания въ *пятокъ* потопташа поганыя плъкы половецкыя, и рассушась стрелами по полю, помчаша девкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты...»(С.10, 12, 13). Где тут вспомнить о Боге и воздать хвалу Ему за победу, если душа богатством ослеплена!

5). В походе Владимира Мономаха 1111 г. решающая битва приходится на 27 марта — *понедельник* Страстной седмицы: «...Наставшю же *понедельнику* Страстныя недели, паки иноплеменници собраша полки своя многое множество. и выступиша яко борове велиции и тмами тмы и оступиша полкы Рускыи и посла Господь Богъ ангела в помощь Русьскымъ княземъ. и поидоша Половецьстии и полъце Русьстеи и зразишася первое с полкомъ и тресну акы громъ. сразившима и брань бысть люта межи ими и падаху обои»(Стлб.267).

«... И падаху Половци предъ полкомъ Володимеровомъ. невидимо бьеми ангеломъ. яко се видяху. мнози чловеци. и главы летяху невидимо стинаевы на землю» (Стлб.267—268).

«... И побиха я в *понеделникъ* страстныи месяца марта въ 27 день. избьени быша иноплеменнице многое множество на реце Салнице и спасе Богъ люди своя. Святополкъ же и Володимеръ и Давидъ прославиша Бога давшего имъ победу на поганыя» (Стлб.268).

Теперь рассмотрим последовательность событий в походе Игоря Святославича 1185 г.

При внимательном чтении «Слова» возникает простой вопрос: почему автор «ошибся» при счете до трех?

Вопрос без иронии, и возникает на основании того, что он сам пишет о двух битвах. В ходе первой русские князья «съ зарания въ пятокъ (т.е. пятницу) потопташа поганыя плъкы половецкыя...»(С.13). Вторая битва разворачивается уже на следующий день: «Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому! Итти дождю стрелами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго!...Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ Рускиия плъкы оступиша»(С.14).

Это — образное воспроизведение состояния природы и войск накануне битвы следующего («другаго») дня, т.е. субботы. Обращает на себя внимание, что автор «Слова» использовал то же выражение «Рускиия плъкы оступиша», что и автор летописной статьи! Думается, что это не простое совпадение, а *заимствование*.

Далее следует «реальное» описание трагических событий: «Съ зараниа до вечера, съ вечера до света летятъ стрелы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя въ поле незнаеме, среди земли Половецкыи» (С.16).

Исходя из этого сообщения следует заключить, что битва длилась с ранней зори до вечера субботы, и с вечера субботы до рассвета воскресенья и в воскресенье завершилась. То есть, продолжалась она сутки с небольшим, как о том свидетельствует и Ипатьевская летопись. А что пишет по этому поводу автор «Слова»?

«Бишася день, бишася другый; *третьяго дни* къ полуднию падоша стязи Игоревы...» (С.16). Тогда получается, по автору «Слова», что решающая битва завершилась не на второй день, в воскресенье, а в *понедельник*!

Неужто столь осведомленный в деталях похода автор «Слова» мог так грубо ошибиться? А если нет, если он умышленно хотел обратить внимание читателя, знающего (по летописи или по рассказам) историю похода Игоря, на какую-то смысловую параллель? Тогда какую?

Здесь напрашивается только одна параллель — с битвой Владимира Мономаха, которая именно закончилась в понедельник. Но он-то выиграл эту битву с Божье помощью, а Игорь Святославич, из-за гордыни своей, проиграл: «Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче» (С.19).

Автору видится особый смысл в пленении князя Игоря, который заложен изначально уже в самой идее похода. Об этом мы будем го-

ворить подробнее ниже, здесь же я хотел бы обратить внимание на побудительные причины обеих походов.

5). Причины двух походов 1111 г. и 1185 г. существенно различаются. Поскольку на Руси, согласно Святому писанию[19], княжеская власть воспринималась как Богом данная («Тако глаголеть Господь: «Князя азъ учиняю, священни бо суть, и Азъ вожу я»[20]), то одной из важнейших задач княжеского служения становится защита рубежей Богом ему вверенной земли (княжества).

Как уже выше указывалось, мысль о походе Владимиру Мономаху вложил Бог, а он привлек уже и других князей на Богоугодное дело — защиту рубежей Отечества. Поэтому идут русские князья благословясь, постом, с молитвой и пением тропарей, а потому «с Божию помощью молитвами святыя Богородица и святыхъ ангелъ възъвратишася Русьстии князи въ свояси съ славою великою къ своимъ людемъ. и ко всимъ странамъ рекуще къ Грекомъ. и Оугромъ. и Ляхомъ. и Чехомъ. дондеже и до Рима преиде на славу Богу всегда и ныня и присно во веки аминь...»(Стлб.273).

Но, как замечает автор «Слова», «то было въ ты рати и въ ты пльки, а сицей рати не слышано!» (С.16).

Игорь Святославич преследует совершенно иные цели: «Мужаимеся сами: преднюю *славу* сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!»(С.21).

Когда-то, полутора веками ранее, в 1015 г., святые страстотерпцы Борис и Глеб жизнь свою положили, отказавшись от славы мира сего. Ныне же, в 1185 г., Игорь Святославич, движимый тщеславием и гордыней, отправляется в поход ради славы земной. И, как результат Божиего наказания за гордыню, — бесславие, плен: «Ту немци и венедици, ту греци и морава... кають князя Игоря... Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево» (С.18—19)[21]. А для русского войска — гибель: «Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую... Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла» (С.17).

Совершенно очевидно, что праведному походу под предводительством Владимира Мономаха на защиту Русской земли автор «Слова» противопоставляет неправедный поход (славы ради) Игоря Святославича.

Но, к сожалению, Игорь Святославич в своих стремлениях не одинок в русской истории. Не случайно автор вспоминает в «Слове» три смерти, никак не связанные с сюжетом, но *по смыслу* примыкающие к финалу Игорева похода.

1). «Бориса же Вячеславича ***слава*** на судъ (на Божий суд — т.е. на смерть. — А. У.) приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя...» (С.15). По гордыне своей Борис Вячеславич похвалялся выступить один против четырех князей и в результате погиб на «Нежатиной ниве»!

2).»...Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскыя, притрепа ***славу*** деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ литовскыми мечи» (С.24).

3). «Не тако... река Стугна; худу струю имея,... уношу князю Ростиславу затвори...» (С.29). Юный князь Ростислав Всеволодович утонул на глазах родного брата Владимира Мономаха, когда они бежали от половцев, потерпев поражение под Триполем. Его трагическая гибель была расценена «Киево-Печерским патериком» как наказание за его тщеславие, гордыню и преступление: по его приказу был утоплен старец монастыря блаженный Григорий именно за то, что предсказал князю его смерть.

Князь Ростивлав не счел нужным получить благословение на поход в Киево-Печерском монастыре (Владимир Мономах его получил, а потому и не утонул в Стугне!) и покаяться в содеянном. Игорь осознает свой грех и приносит покаяние (об этом речь еще пойдет ниже), отмеченное в летописи. Но произошедшее покаяние — это обретение Бога. И Господь выводит его из плена: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» (С.27—28).

Проявленное князем раскаяние и смирение привело его и к примирению с Мономаховичами. Именно поэтому Игорь и направляется в Киев, в их Богородичную церковь...

И здесь проявляется еще одна весьма значимая ретроспективная историческая аналогия:

а) смирение и примирение с Олегом Святославичем привело Владимира Мономаха на киевский великокняжеский престол;

б) смирение и примирение с Мономаховичами (Рюриком Ростиславичем и Владимиром Глебовичем) привело Игоря Святославича на княжеский Черниговский престол! Мир настал в Русской земле. Потому-то и «страни ради, гради весели»!

Можно ли алгеброй проверить гармонию?

Отсчет сторонников перестановки в самом начале «Слова о полку Игореве» абзаца о солнечном затмении следует начать с О. Партыцкого, предложившего в целях восстановления «хронологической по-

следовательности», отраженной в летописях, поместить описание затмения после сцены встречи Игоря и Всеволода Святославичей[22].

Двумя годами позднее, 15 февраля 1886 г., в «Историческом Обществе Нестора-летописца»,с подобным предложением выступил и А. И. Соболевский, тогда еще молодой лингвист, но письменно будущий академик обосновал свое предложение только спустя двадцать лет, в 1916 г.: « В дошедшем до нас тексте, после слов: «наведе своя храбрыа полкы на землю Половецкую за землю Русьскую», находятся слова: «Тогда Игорь возре на светлое солнце... «;... затем далее следует: «О Бояне, соловию старого времени, а бы ты сия полкы ущекоталъ...», до «Тогда вступи Игорь...»... Смысл в этой части «Слова» требует перестановки слов «О Бояне» до «Тогда вступи Игорь» и помещения их перед словами: «Тогда Игорь возре...». Перестановка дает, можно сказать, блестящий результат. Получается, кроме удовлетворения требования смысла, также последовательность в изложении: после «наведе своя храбрыя полкы...» следует: «а бы ты сия полкы ущекоталъ».

Таким образом я предлагаю читать:

...наведе своя храбрыя *полкы* на землю Половецкую за землю Русьскую.

О Бояне, соловию старого времени, а бы ты *сия полкы* ущекотал... луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострены, сами скачють аки серии волци въ поли, ищюче себе чти, а князю славы.

Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде *отъ него тьмою* вся своя воя прикриты — а любо испити шеломомь Дону.

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень и поеха по чистому полю. *Солнце ему тьмою* путь заступаше (курсив А. И. Соболевского. — А. У.).»[23]

Исследователь полагал, что ошибка поизошла из-за не внимательности переписчика: «Когда... оригинал от употребления пострадал, расшился и растрепался, один листок был положен перед двумя листками, за ним первоначально следовавшими. Переписчик не заметил перемещения листков и переписал их в том порядке, как они лежали перед ним...»[24]

Первым в изданиях «Слова» эту перестановку в тексте осуществил В. А. Яковлев в 1891 г., заметив в предисловии: «Рассказ о солнечном затмении мы считаем более удобным поместить после речи Всеволода; посредством такой перестановки восстанавливается, по нашему мнению, последовательность изложения и единство вступления»[25].

Перестановку А.И. Соболевского, своего учителя, поддержал и академик В.Н. Перец в ставшей знаменитой книге о «Слове о полку Игореве»[26], а немногим ранее и П.Л. Маштаков[27]. Окончательный приговор «Слову» вынес в середине минувшего столетия уже ученик В.Н. Перетца академик Н.К. Гудзий в двух своих работах[28].

В статье 1950 г. он писал: «В результате перстановки Яковлева — Соболевского — Перетца получается действительно логически последовательное и связное чтение (как будто до этого не было связного чтения. — А.У.), нарушенное путаницей листов. Вслед за словами «Почнемь же, братие, повэсть сію отъ стараго Владимера до нынэшняго Игоря, иже... наведе своя храбрыя плъкы на землю Половэцькую за землю Руськую» идут слова: «О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталъ...» (разрядка Н.К. Гудзия. — А.У.). После того автор высказывает предположение, как мог бы Боян воспеть Игоревы полки, речь идет о встрече Игоря с Всеволодом, при которой Всеволод предлагает брату седлать своих коней и характеризует свою дружину, а затем говорится о затмении солнца.»

Прерву эту длинную цитату, чтобы сделать по ходу ряд замечаний.

Разве можно назвать «действительно логически последовательным чтение», которое изначально нарушает саму идею произведения?

Автор ставит в центр повествования «Слова о *полку Игореве*» «*нынэшняго Игоря, иже... наведе своя храбрыя плъкы* на землю Половэцькую за землю Руськую», которому совершенно однозначно приписывается инициатива похода.

Если же принять отстаиваемую Соболевским — Перетцем — Гудзием перестановку в начале «Слова», то *тогда получится, что идея похода принадлежит не Игорю, а его брату Всеволоду,* который и «предлагает брату седлать своих коней».

Но именно на этом, по сути дела, и настаивает Н. К. Гудзий: «Как бы в ответ на предложение Всеволода Игорю седлать коней, Игорь обращается к своей дружине со словами: «А всядемъ, братие, на свои бръзыя комони...» (подчеркнуто мной. — А.У.) Такая последовательность действий — сначала предложение Игорю седлать коней, а затем уже распоряжение Игоря, обращенное к дружине, — сесть на коней для похода на половцев, естественно, единственно возможная (для кого? почему? — А.У.), в противоположность чтению мусин-пушкинского текста, где сначала Игорь велит дружине сесть на коней, а затем Всеволод предлагает Игорю седлать коней. После того как Игорь отдал распоряжение дружине сесть на коней, логически должен следовать рассказ о том, что Игорь вступил в стремя и двинулся в поход, как и получается в результате перестановки текста.»

Но тогда остается совершенно непонятным, почему и зачем «Игорь ждет мила брата Всеволода»: только для того, чтобы тот пригласил его в поход на половцев? И где он его ждет: в Новгороде-Северском или в пути?

Такое расположение абзацев как раз и приводит к разрушению логики повествования, к которой стремятся сторонники перестановки, поскольку, если Игорь ждет приглашения в поход от брата в Новгород-Северском, то инициатива похода с очевидностью исходит от Всеволода, а это не так. Если же в пути — то к чему тогда уже этот призыв, ведь Игорь уже и так выступил со своей дружиной?

Текст первого издания абсолютно точно передал *логическую хронологию событий*: Игорь выступил в поход по собственной инициативе (об этом мы еще будем говорить ниже), *небесное знамение было ему указанием*, а брата уже поджидал два дня у Оскола, остановившись на привал, поэтому подошедший Всеволод и призывает Игоря вновь седлать коней, чтобы продолжить путь...

«Однако, — продолжает свои рассуждения Н. К. Гудзий, — эта перестановка, оправданная палеографическими соображениями, диктуется не только тем, что при помощи ее получается логическая последовательность событий, но и тем весьма существенным обстоятельством, что при ее применении время солнечного затмения в «Слове» и в летописных рассказах о походе Игоря совпадает, на что не обратили внимания те, кто предложил перестановку.

В самом деле, по летописи затмение застает Игорево войско тогда, когда Игорь уже углубился в степь. Киевская летопись, датирующая начало похода 23 апреля, не упоминает, какого числа произошло затмение, но указывает, что оно случилось тогда, когда Игорь подошел уже к Донцу, летопись же Суздальская точно датирует время затмения — 1 мая. В мусин-пушкинском тексте солнечное затмение предшествует походу Игоря; при перестановке же, о которой идет речь, оно становится на свое место и, *в согласии с летописью* (выделено мной. — А. У.), застает Игоря уже в пути.... Достаточно подчеркнуть, что, *устраняя противоречия между «Словом» и летописью* (выделено мной. — А. У.) в определении того, где и когда застало Игорево войско солнечное затмение, мы используем еще один очень веский аргумент в пользу перестановки в начальной части текста «Слова о полку Игореве»».

Итак, художественную гармонию «Слова» академик Н. К. Гудзий решил проверить алгеброй летописи. И тут же была обнаружена еще одна «несуразность»: «...если придерживаться последовательности мусин-пушкинского текста в начальных абзацах «Слова», то полу-

чится, что либо затмение непрерывно продолжалось несколько дней подряд, что противоестественно, либо оно на протяжении недели с небольшим повторилось дважды, на что мы не имеем указаний в летописи, да и не могли бы их иметь, так как это не согласовалось бы ни с какими астрономическими законами. В самом деле, если мы сохраним а неприкосновенности мусин-пушкинский текст, то окажется, что Игорь, готовясь к походу, видит солнечное затмение, затем проходит около девяти дней, когда он двигается навстречу половцам, и его вновь настигает затмение: «Солнце ему тьмою путь заступаше», как и в самом начале похода».[29]

«Думается после сказанного, — завершает свои размышления Н.К. Гудзий, — что есть все основания закрепить эту перестановку в последующих научных и популярных изданиях «Слова о полку Игореве»».[30] Авторитет его в науке был столь велик (ведь по его учебнику учились практически все советские медиевисты), что большинство изданий текста «Слова о полку Игореве» в XX веке выходили с уже «узаконенной» авторитетом ученого перестановкой*.

Так нужна ли перестановка в начале «Слова»?

Ответить на этот вопрос, значит приоткрыть тайну авторского замысла, то есть пролить свет на авторскую художественную концепцию произведения.

Если мы будем относиться к «Слову», как относимся к летописям, т.е. историческому источнику (такой подход как раз и продемонстрировал академик Н.К. Гудзий), то неизбежно впадем в серьезное заблуждение. Еще епископ Кирилл Туровский, человек сведущий в литературе и талантливейший писатель XII века, писал: «Яко же ***историци*** и ***ветия***, рекше ***летописьци*** и ***песнотворци***, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и въпълчения, да украсять (ся) словесы т възвеличать мужьствовавъшая крепко по своемь цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалами венчають...»[31]

Стало быть, в конце XII в., лет за двенадцать до похода Игоря Святославича на половцев, сведущий в литературе человек (а, надо полагать, он был не один, ибо, будучи епископом, обращался с проповедями к людям книжно образованным, безусловно рассчитывая на понимание) прекрасно разбирался в задачах, которые стояли пред историком (летописцем) и ветием (поэтом). И не отождествлял их задачи, хотя и отметил в их творчестве общие черты.

Думается, не хуже епископа Кирилла Туровского в этих проблемах (и литературных тонкостях) разбирался и автор «Слова», который провел еще одну достаточно четкую грань между сочинением

язычника — «вещего Бояна» и собственным творением, в основе которого лежали уже христианские ценности (но об этом — позднее).

Ни у кого не возникает подозрения, что это автор, досконально знающий все подробности похода Игоря Святославича на половцев, ошибся в подсчете времени солнечного затмения. Поэтому большинство исследователей эту «ошибку» приписывают не ему, а переписчику, «напутавшему» с рукописными листами (А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий, Б. А. Рыбаков и др.).

А что, если никакой «ошибки переписчика» не было, и *сам автор «Слова» умышленно*, ***по художественной концепции произведения***, *поместил солнечное затмение в начало своего творения?*

В свете затмения

§ 1

Солнечное затмение в Древней Руси было слишком знаковым явлением,[32] чтобы его могли «не заметить», или хронологически переставить. Поэтому все солнечные затмения попадали в летописи. В том числе и солнечное затмение 1 мая 1185 г. во время похода Игоря Святославича на половцев.

В судьбах черниговских князей «солнечного рода» Ольговичей затмение играло особую роль. Как обнаружил А. Н. Робинсон, за сто лет, предшествовавших походу Игоря Святославича, было 12 солнечных затмений, которые совпали с годами смерти 13 черниговских князей.[33]

Не сомненно, об этом знали и помнили участники похода, о чем свидетельствует рассказ о затмении в Ипатьевской летописи: «... Игорь жь возревъ на небо и виде солнце стояще яко месяць. И рече бояромъ своимъ и дружине своеи: «Видите ли? Что есть знамение се?» Они же узревше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «Княже! Се есть не на добро знамение се.» Игорь же рече: «Братья и дружино! Таины Божия никто же не весть, а знамению творець Богъ и всему миру своему! А намъ что створить Богъ, или на добро или на наше зло, а то же намъ видити.»[34]

Более лапидарно то же затмение описано в Лаврентьевской летописи: «Месяця мая въ 1 день на память святаго пророка Иеремия, в середу на вечерни, бы знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звезды видети, человекомъ въ очью яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко месяць, из рогъ его яко угль жаровъ исхожаше: страшно бе видети человекомъ знаменье Божье...»[35]

Если в Лаврентьевской летописи говорится только о страхе перед Божиим знамением (интересно отметить, что именно сообщением о

нем начинается годовая статья 1186 г., хотя затмение произошло почти-что в середине года!), то в Ипатьевской летописи дружинники Игоря Святославича однозначно воспринимают затмение как неприятное предзнаменование. И слова Игоря свидетельствуют о его смятении («Таины Божия никто же не весть!»), а не как ободрение себя и других. Впрочем. думается, кто — кто, но Игорь Святославич из рода Ольговичей, хорошо знал свою родословную и связь затмения со смертью своих предков. Знали о том и летописцы, продолжатели летописных сводов. Густинская летопись замечает по этому поводу: «И в то время бысть затмене солнца, *а се знамение не на добро бываеть. Игор же единаче поиде, не ради о том*.»[36]

Итак, Игорь продолжает поход, не взирая на предупреждение свыше — солнечное затмение. О том говорит и автор «Слова»: «Спалъ князю умь похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго.»[37]

Когда писалось «Слово», его автор уже знал о результатах похода и мог не только засвидетельствовать, но и истолковать Промысел Божий. И этот смысловой узел завязывается как раз на солнечном затмении: «Тогда Игрь възре на свътлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружине своей: «Братие и дружино![38] Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону»(С.10).

Для князя-воина гибель предпочтительнее плена. Когда-то Святослав Игоревич воскликнул перед битвой с греками: «Да не посрамимъ земле Руски, но ляжемъ костьми [ту] мертвы ибо срама не имамъ»[39]. Русские князья никогда прежде не попадали в плен. Но прежде не было и подобных походов.

Как мы уже выше отмечали, Владимир Мономах (с другими князьями) бил неоднократно половцев: в 1103, 1107, 1111, 1113 гг., в том числе и у того же «синего Дона», но на границе Киевского государства и Половецкой степи, не стремясь ни пройти ее, ни покорить.

Святое Писание, по которому должны жить православные князья (и по которому жил Владимир Мономах), запрещало завоевательные походы. Князь обязан защищать пределы своей земли, но не завоевывать чужие. Образец такого сосуществования был положен сыновьями праведного Ноя после потопа. И об этом можно было узнать из «Повести временных лет», в которую был помещен рассказ о них: «По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю... Симъ же Хамъ и Афетъ, разделивше землю, жребьи метавше, *не преступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части*»[40]

Для истинного православного человека, князя или воина, это была аксиома. Бог дает князьям власть (т.е. землю, княжество), и потому никто из людей не должен покушаться на нее: «Богъ даеть власть, ему же хощеть; поставляеть бо цесаря и князя Вышний, ему же хощеть, дасть. Аще бо кая земля управится пред Богомъ, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властителя устраяеть, и судью, правящаго судъ. Аще бо князи правьдиви бывають в земли, то многа отдаются согрешенья земли; аще ли зли и лукави бывають, то больше зло наводить Богъ на землю, понеже *то глава есть земли*»[41].

«Яко же рече Исайя пророк: «Тако глаголеть Господь: «Князя азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожу я», — замечает автор «Повестей о житии Александра Невского». В его представлении и оценке «воистину бо без Божия повеления не бе княжение» Александра Ярославича![42] Но если княжеская власть дана Богом, то как само собой разумеющееся, и княжеское служение — это мирское служение Богу. И сам Александр Ярославич руководствовался этой аксиомой, принимая судьбоносное решение выступить против щведских рыцарей: «Боже хвальный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, основывавый небо и землю и *положивы пределы языком, повеле жити не преступающе в чюжую часть* (выделено мной.- А.У.)... Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мне».[43] Александр Ярославич выступил на защиту *«своей части»* — своего княжества, Богом ему данной власти.

Игорь Святославич преследует совершенно иные цели: «Хочу бо, — рече, — копие приломити *конець поля Половецкаго*,... а любо *испити шеломомь Дону*»(С.10—11). Или же, как говорят бояре великому князю киевскому Святославу: «Се бо два сокола (Игорь и Всеволод Святославичи. — А.У.) слетеста съ отня стола злата *поискати града Тьмутороканя*, а любо *испити шеломомь Дону*» (С.19).

И в одном, и в другом случаях речь идет об одном и том же: Игорь Святославич предпринял не оборонительный поход, как прежние князья, а ***завоевательный!***

Почти двести лет, со времени принятия христианства, Русь не знала завоевательных походов. Поход Игоря — исключение, а потому и вызвал целых три произведения: «Слово о полку Игореве», и две самостоятельные летописные повести. Только еще одно событие, спустя еще двести лет, так же вызовет к себе интерес и три литературные произведения. Это — Куликовская битва. О ней напишут летописную повесть, «Сказание о Мамаевом побоище», и «Задон-

щину». Примечательно, что последняя будет ориентироваться на художественную систему «Слова», но будет строиться как противоположность ему, в том числе и по основной теме — оборонительном походе московского князя Дмитрия ивановича...

Этот завоевательный поход Игоря святославича вылился из княжеских межусобиц: «...Рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себе крамолу ковати»(С.17).

Что поход Игоря и Всеволода Святославичей не честен свидетельствует в «Слове» и киевский князь Святослав, обращаясь к князьям: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте»(С.20).

Раньше исследователи не обращали особого внимания на слова великого князя, что «кровь поганую» можно и нечестно пролить! Одно дело, защищая свои земли, свое Отечество от набегов половцев, — тогда это будет честная битва; другое дело — уподобляясь им, делая такой же набег...

Святослав указывает и на причину, побудившую князей выступить в этот поход: «Ваю храбрая сердца (этого у них не отнимешь. — А. У.) въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена»(С.20). Сам автор неоднократно величает Игоря как «буего Святъславича», а Всеволода называет «буй туром».

Прежде, воспринимая поход Игоря как защиту Русской земли от Половецкого поля и обращая внимание на храбрость русских воинов, толкование слова «буесть» ограничивалось понятиями «отвага, горячность, запальчивость». Прежде всего, конечно, — «отвага». Но в Древней Руси это слово с таким положительным оттенком употреблялось крайне редко. Гораздо чаще — в негативном значении «заносчивость, дерзость, необузданность». Например, в Лаврентьевской летописи под 1096 г.: «О, Владычице Богородице, отыми от убогого сердца моего *гордость* и *буесть*, да не възношюся суетою мира сего».

Обращает на себя внимание, что «буесть» в этой просьбе следует за «гордостью» — гордынею, первейшим и наисильнейшим грехом.

Именно гордыня и стремление к славе и повела Игоря Святославича в этот завоевательный поход: «Нъ рекосте: «Мужаимеся сами: *преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ*!»(С.21).

По гордыне своей захотели молодые князья похитить «преднюю славу» русских князей, двумя годами ранее разбивших половцев, и «испити шеломомь Дону», как когда-то Владимир Мономах (Но он-то ходил к Дону на границе Руси и Половецкой степи, а не вглубь ее!).

Предваряя рассказ об этом походе, один из составителей Ипатьевской летописи заметил под 1184 г.: «Всемилостивый Господь Богъ гордымъ противиться и светы (планы, замыслы. — А. У.) ихъ разруши (разрушает. _ А. У.)». Его убеждение основывается на словах апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 посл.; 5,5).

Итак, *причиной похода была* ***гордыня****, а наказание Божие за нее — плен!*

Господь предупреждал Игоря затмением солнца, но князь, по гордыне своей, пренебрег и знамением...

Гордыня — затмение души. А в природе — затмение солнца. Автор тонко уловил эту символическую параллель и развивает ее в своем творении и строит великолепный художественный образ, развернутый на все повествование: весь поход Игоря, после перехода через пограничную реку Донец, когда, собственно, и произошло затмение солнца, происходит... во тьме![44]

§ 2

Затмение в «слове» описано иносказательно, а не прямо: взглянул князь Игорь «на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты»(С.10). Получается весьма редкий в древнерусской литературе оксюморон: светлое солнце тьмою воинов покрывает! Сведующему читателю понятно было, что не светило тьмою войско покрыло, а Господь Промыслом своим[45]... И не суждено им уже обратно вернуться на землю Русскую, покроет земля тела их («Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла»(С.17) — напишет автор «Слова» в конце описания битвы русских с половцами...

Да и «летописный» Игорь понимал, что этому «знамению творець Богъ», и мог догадываться (по аналогии с предками своими) о его значении, чего не скажешь об Игоре «Слова», у которого желание «искусити Дону великаго», т.е. восхитить мславу Владимира Мономаха, знамение заступило. Не внемлет предупреждению новгород-северский князь: «... въступи... въ златъ стремень и поеха по чистому полю»(С.12). Тогда *вторично* (!) «солнце ему тъмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звееринъ въста, збися дивъ — кличетъ връху древа...»(С.12).

Такое ощущение, будто князь Игорь из светлого пространства шагнул в темное[46] — против чьей-то воли, потому-то солнце ему тьмою путь заступало, как бы — удерживало.

В реальном затмении день потемнел, и ночь настала, а в художественном описании затмение превратилось в развернутую поэтиче-

скую метафору. Автор воспользовался подсказанным самой природой (и Промыслом) образом ночи и стал его усиленно развивать: «А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому: крычать телеги полунощы, рци, лебеди роспущени» (С.12). Грозен в ночи волчий вой по оврагам, да орлиный клекот, зовущий зверей на кости («влъци грозу [в грозу все темнеет. — А. У.] въсрожать по яругамъ; орли клектомъ на кости звери зовутъ...»)(С.12).

«Длъго ночь мрькнетъ. Заря светъ запала, мъгла поля покрыла. Щекотъ славий успе»(С.13). Ночь днем, погасший свет зари, спустившийся на поле мрак, стихшие голоса птиц, — нагнетают тревогу.

А «русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы» (С.13).

Природа пердчувствует, точнее, уже знает исход битвы (ибо орлы на кости позвали зверей), и замерла в тревожном ожидании полной гибели света! Замерли, в ожидании, и воины.

Действие как бы приостановилось.

«Длъго ночь мрькнетъ» — природа как бы оттягивает развязку, будто бы еще можно что-то изменить в судьбе русских воинов, но для этого необходимо князю принять волевое решение — повернуть назад.

Но Игорь, стрелой летящей, устремлен к достижению своей цели. И, вроде бы, достигает ее. Утром, в пятницу, взрыв событий. Чрезмерная активность — достижение желанной цели: «Съ зарания въ пятокъ (т.е. — с зарей, но не в светлый день! — А. У.) потопташа поганыя плъкы половецкыя, и рассупясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя (откуда они взялись на поле брани? Явно половцы не ожидали этого вторжения русских и нападение было на их селения. — А. У.), а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты (совершенно очевидно, что половецкие воины, если бы выступили против русских, женские драгоценности с собою не брали бы... — А. У.)»(С.13).

И опять — затишье. Но это затишье — перед бурей, определяющей судьбу Игоря и его воинов в битве: «Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине!»

Изначально — да! Адам сотворен был для рая. Но совершил проступок. Повредилась божественная природа в человеке. Из-за ослушания Адам изгнан из рая. Из-за ослушания (нарушает ряд заповедей и не внемлет предупреждающему о том знамению) терпит поражение Игорь. И происходит это в воскресенье, на малую Пасху! Он, как и Адам, уже обречен, но пока об этом еще не знает. Но о том знает другое Божие творение — природа, которая символизирует своего Творца.[47]

«Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведають (кровавые, т.е. темные, зори свет предвещают, но света дня — нет! — А.У.); чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому»(С.14).

Назревает кульминация. В природе — это гроза; в походе — битва.

«Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рекы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ»(С.14).

Обилием глаголов передана динамика действия и мгновенная реакция природы на происходящее.

«Съ зарания до вечера (а дня вроде бы и нет! — А.У.), съ вечера до света (а день как бы и не наступал! _ А.У.) летятъ стрелы каленыя... Третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы... Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось»(С.16).

Битва проиграна князем Игорем в полдень, т.е. в самое светлое время дня, но автор создает тот же *образ тьмы*, как и в начале описания похода: «Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста (Игорь и Всеволод Святославичи. — А.У.), оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая месяца... тьмою ся поволокоста... На реце на Каяле тьма светъ покрыла... «(С.19—20). Так и не ощущенный во всей полноте свет дня битвы сменяется для Игоря тьмою плена.

Почувствовав беду, «Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале».

Княгиня трижды обращается к силам природы — ветру, реке, солнцу — за помощью своему мужу. Трижды употребляет автор слово «рано», и трижды описана природа ясным днем.

Русская земля ассоциируется у автора с солнцем, светом. Половецкое поле, как земля чужая, неприветливая — ночью, тьмою. Граница между ними — Донец, как река (или огненная река) отделяет рай от ада («О всей твари», «Хождение апостола Павла по мукам») или земли («Хождение Зосимы к Рахманам», духовные стихи).[48]

Ярославна описана средь бела дня, а Игорь — во тьме. К нему, в ночь, возвращается автор.

«Прысну море полунощи, идуть сморци мьглами... Погасоша вечеру зори. Игорь спитъ. Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля меритъ от великаго Дону до малого Донца» (С.27—28).

С вечера погасли зори, природа как бы успокаивается. Но в полночь ожило («прысну») море, поднялись смерчи. Начинается то ли новое действие, то ли наступает развязка.

Поход Игоря, за пределами Русской земли, начинался с Донца. Вожделенным итогом его был Дон великий. Теперь от Дона великого

мыслью мерит князь путь к малому Донцу — границе Русской земли. И, не случайно, этот обратный путь начинается не только географически от Дона, но и символически — во времени — в полночь: «Комонь вь полуночи. Овлуръ свисну за рекою; велить князю разумети: князю Игорю не быть (в плену. — А. У.)» (С.28).

Из тьмы — полночи и Половецкой земли — стремится князь Игрь к свету — на Русскую землю. И «соловии веселыми песньми светъ поведаютъ» (С.30) ему.

Побег из ночи во свет удался: «Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Руской земли» (С.30).

И что удивительно, до побега Игоря в «Слове» ни разу не был упомянут Бог (что, собственно, и дало повод исследователям видеть в «Слове» языческую поэму, поскольку языческие божества в ней обильно присутствуют), а тут сразу: «Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу[49]. Почему это стало возможным? Ведь Господь вначале противился этому походу (завоевательному походу!), а теперь помогает Игорю вернуться из плена?

§ 3

«Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ».

(Пс.50)

Автор «Слова» не указывает на причины метаморфозы с Игорем, но они приводятся в рассказе Ипатьевской летописи, которая сочувственно относится к Игорю. Именно этот рассказ передал настороженность Игоря во время солнечного затмения.

Поражение православного князя воспринимается воспринимается рассссказчиком как наказание Господне за грехи его (а не помощи поганым!). Грех этот необходимо осознать, чтобы искупить его. И к Игорю приходит духовное прозрение вместе с поражением: «И тако, во день святаго Воскресения, наведе на ня Господь гневъ свой: в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю, на реце Каялы. рече бо деи Игорь: «Помянухъ азъ грехы своя пред Господемь Богомъ моимъ, яко много убииство, кровопролитие створихъ в земле крестьяньстей, яко же бо язъ не пощадехъ христьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глебовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии христьане, отлучаеми отець от рожении своих, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружии своихъ, и дщери от материи своихъ, и подгура от подругы своея, и все смяте-

но пленомъ и скорбью тогда бывшюю, живии мертвымъ завидять, и мертвии радовахуся, аки мученици святеи огнемь от жизни сея искушение приемши...

И та вся сътворивъ азъ — рече Игорь — не достоино ми бяшеть жити. И се ныне вижю отместье от Господа Бога моего... Се возда ми Господь по безаконию моему, и по злобе моеи на мя, и снидоша днесь греси мои на главу мою. Истиненъ Господь и правы суди его зело. Азъ же убо не имамъ со живыми части...

Но Владыко Господи Боже мой, не отрини мене до конца, но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ».[50]

В Древней Руси спасение Игоря из плена не могло рассматриваться **не** как результат помощи Бога. Вот слова Господа из Святого Писания: «И воззавете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и взыщите Меня и найдете, если взыщете Меня всем сердцем вашим..., и возвращу вас из плена (Иер.,29,11—14).

В плен князь Игорь попадает Промыслом Божиим, так же Промыслом Божиим избавляется он от плена.

Решение Игоря бежать было отнюдь не случайным. Выше уже указвались две пиковые точки падения Игоря: полночь и великий Дон, от которых начинается возвращение князя домой. Но существует и еще одна — религиозно-нравственная, от которой начинается духовное возрождение Игоря Святославича.

Игорь шел за славой, но обрел бесславие — плен. Но нижней, пиковой точкой бесславия был побег (потому-то он долго на него не соглашался). А поэтому «чашу бесславия» князь должен был испить до дна, и вернуться домой «неславным путем» — бегством из плена. То есть, проявить *смирение*. В этом смысл произведения.

Это — не случайное духовное прозрение Игоря. Князь осмысленно становится на путь возвращения к Богу, Отцу небесному. Надо полагать, это *первое* осмысление произошедшего было не случайным.

Из летописей известно, что он, находясь в половецком плену, призвал из Руси священника. Для него, хотя и оступившегося (кто без греха?), но все же православного князя, было совершенно очевидным, что без покаяния не возможен обратный путь домой. Засвидетельствовать это покаяние пред Богом мог только православный священник.

Поход Игоря Святославича начинается на Светлой Пасхальной неделе. Это — святотатство! Не помогло и упование его на своего небесного покровителя — Св. Георгия Победоносца (крестильное имя Игоря — Георгий), в день памяти которого, 23 апреля 1185 г., т. е. на свои именины (!), он выступил в поход. Поход был не Богоугоден, направлен не на защиту своего

княжества или Отечества, а славы ради. Желанием, вызванным гордынею. А потому бесславно и завершился.

Второе, отмеченное древнерусскими произведениями, осознание случившегося Игорем и его покаяние в соделанном, происходит уже в плену. Летопись замечает: «Игорь же Святославличь тотъ годъ бяшеть в Половцехъ, и глаголаше: «Азъ по достоянью моему восприяхъ победу (поражение. — А. У.) от повеления Твоего Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ Твоихъ. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихже есмь прялъ азъ»[51].

Третье обращение к Богу происходит уже непосредственно перед бегством из плена: «Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ и поклонися образу Божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! Аще спасеши мя Владыко Ты недостоинаго!» И возмя на ся крестъ, икону и подоима стену и лезе вонъ...»[52]

Обращаю особое внимание, что, решаясь на побег («неславный путь»), Игорь берет с собой крест и икону, т. е. возлагает надежду на помощь Божию! Тогда становится понятным, почему автор «Слова» указывает, что «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую»: он прощен Богом, после раскаяния князя в соделанном. Более того, смирение князя приводит его и «къ отню злату столу», т. е. на Черниговское княжение в 1198 г.!

Можно, конечно, полагать (я в этом уверен, но это особая тема), что автор «Слова» хорошо знал рассказ о походе Игоря из Ипатьевской летописи. Тогда его произведение становится своеобразным художественным дополнением к нему. Точнее, художественным осмыслением похода. И если в летописной статье произошедшие в Игоре нравственные изменения объяснены, то в «Слове» помощь Божия в возвращении его на землю Русскую кажется несколько неожиданной. правда, непосредственно ей предшествует «плач Ярославны» — обращение его жены к трем природным стихиям — ветру, реке, солнцу.

Венчанные муж и жена являют собой одно целое: «...Ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, въ Господе. Ибо какъ жена отъ мужа, такъ и мужъ чрезъ жену; все же — отъ Бога» (1 посл. Коринф.11, 11—12).

Даже молитва об усопшем способствует отпущению ему грехов. Молитва о плененном выводит из плена (просьба об этом имеется в утренних молитвах), тем более, несли это молитва жены о муже — одной составной о другой, ради целого.

Но как тогда понимать обращение Ярославны к трем природным стихиям?

Весьма правдоподобное, как мне кажется, их толкование предложено в «Беседе трех святителей», весьма популярной в Древней Руси: «Что есть высота небесная, широта земная, глубина Морская? — Иоанн рече: Отец, Сын и Святой Дух»[53].

Солнце олицетворяет собой «высоту небесную». гуляющий по всей земле ветер — «широту земную», река — «глубину морскую».

Небо — престол Отца; Сын сошел на землю и оставил на ней свой престол — христианскую церковь; при крещении водой нисходит Святой Дух. То есть, получается, что Ярославна обращается к трем природным стихиям, олицетворяющим три ипостаси Святой Троицы!

Ее молитва явилась решающей (или переломной) в Промысле об Игоре.

Подвластная своему Творцу природа, т. е. выполняя Его волю, способствовала возвращению раскаявшегося (по летописи) князя домой...

§ 4

Ты верно видишь; ибо Я бодрствую над
словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось.
(Иеремия:1; 12)

Итак, мы убедились, что автор «Слова» не случайно поместил описание затмения в самое начало своего творения, создав развернутый художественный образ. Но только ли в этом удивительном образе «дневной тьмы», поразившей природу, отразился авторский замысел? То есть, касался ли он только художественной формы, или все же *идеи* произведения, которая для древнерусского книжника всегда была наиважнейшей?

Солнечное затмение произошло 1 мая 1185 г. в «первом часу ночи», что соответствует нынешним 17 часам (астрономически — затмение было в 16 ч. 48 мин.). Это время начала вечерней службы в храме, точнее — «утрени», поскольку ею начинались новые сутки — отсюда и «первый час». Получается, что в то время, когда в храме начиналась служба, Игорь Святославич форсирует *пограничную* реку Донец и отправляется в нечестивый поход за пределы Русской земли: «О Руская земле, уже за шеломянем еси!»

Здесь следует напомнить, что русские князья являлись охранителями «русской идеи», сформулированной еще Иларионом Киевским в знаменитом «Слове о Законе и Благодати»: русский народ избран Богом для сохранения Благодати (Православия) до Страшного Суда,

как когда-то иудейский народ был избран для хранения Закона (10 заповедей) до Рождества Христова. Именно поэтому русские князья и должны были защищать *православную* Русскую землю, *православную* веру и *православный* народ!

А что делает Игорь Святославич? Он, по гордыне своей, не исполняет заповеди Божии (т.е. забывает Бога), губит православный народ и открывает «врата на Землю русскую». То есть, игнорирует Богом данное ему княжеское предназначение. Воистину, помрачение ума!

Его судьба напоминает судьбу Израиля в 586 г., т.е. за 1500 лет до похода (в Лаврентьевской летописи он датируется 1186 г.) и плена Игоря, описанную в Книге пророка Иеремии. Вот здесь и следует вспомнить, что 1 мая — это день памяти пророка Иеремии, второго из так называемых *больших пророков*.

В христианском мировосприятии не бывает случайных совпадений, но во всем кроется глубокий духовно-религиозный смысл. Его и попытался выявить гениальный автор: через экзегезы (скрытые цитаты) из книги пророка Иеремии, входящей в Библию, он прослеживает реальную и духовную связь событий.

Совершенно прав Р. Пиккио, заметивший в одной из последних своих статей по «Слову о полку Игореве»: «Обратившись к библейскому контексту (который, будучи боговдохновенным, несет абсолютную истину), мы можем проникнуть в «духовный», т.е. высший, смысл текста, в котором без этого «восхождения» нам открылся бы только «исторический», т.е. буквальный и «низший», смысл»[54].

В каждом новом историческом действии видится образ первообраза — библейского события. Важно было увидеть и установить эту эпифаническую и духовную связь реальностей. Прежде всего, они присутствуют в Божественной литургии, когда здесь (в храме) и сейчас (служба ведется только в настоящем времени) происходит со-переживание событий прежде бывших в земной жизни Спасителя и Богородицы и ныне во время службы повторяющихся.

На этом же уровне эпифанического взаимодействия расценивались и исторические события. Между ними так же можно провести ретроспективную историческую аналогию[55].

Важнее, однако, оценка действий Богом поставленного князя через призму Священного Писания, которое есть единственный критерий оценок поступков человека.

Горько плачет пророк Иеремия о судьбе Израиля, отпавшего от Бога Истинного и поклонившегося языческим идолам, устремившегося к земным ценностям. Возвещает он волю Божию и предупреж-

дает о пленении Израиля Вавилоном. Но не внемлет возгордившаяся Иудея словам пророка и сбывается прореченное им.

Забывает и Игорь Святославич Бога Истинного, а потому становится праправнуком языческого Даждьбога (дед Игоря, Олег Святославич [Гориславич] дважды назван в «Слове» «Даждьбожьим внуком»), идет за земными ценностями — славой, не внемлет предупреждению — солнечному затмению — и попадает в половецкий плен.

В реальностях и развитии событий древнерусский книжник — автор «Слова» — увидел эпифаническую связь реальностей в их духовном воплощении и провел параллель в развитии разновременных событий, а потому и использовал скрытые экзегезы из книги пророка Иеремии.

«Разве Израиль раб? или он домочадец? почему он сделался добычею? — Задается вопросом пророк Иеремия и констатирует: — Зарыкали на него молодые львы, подали голос свой и сделали землю его пустынею; города его сожжены, без жителей...» (2;14—15)

Да и потомки Олега Святославича — «Ольгово хороброе гнездо» — хоть и далеко залетело в степь половецкую, но «не было оно обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе, чрьный воронъ, поганый половчине!» (С.14). А в результате неблагочестивого похода Игоря Святославича Русская земля превращается в пустынное место: «тогда бо по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче...» (С.16). «Тоска разлияся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи...» (С.18). Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче» (С.19). «А погани съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую» (С.17). «А погани сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле отъ двора» (С. 18).

В чем причина разорения Израиля египетским царем Навуходоносором, пленения иудейского царя и переселения иудеев в Вавилон в 586 г. до Р.Х.?

«Не причинил ли ты себе это тем, что оставил Господа Бога твоего в то время когда Он путеводил тебя? — объясняет Израилю пророк Иеремия. — И ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила? и для чего тебе путь в Асирию, чтобы пить воду из реки ее?» (2; 17—18).

Нил такой же символ Египта, как Великий Дон Половецкой степи. К нему направляет свои полки Игорь Святославич, поскольку «спалъ князю умь» и не разглядел он Божественное знамение, т.е. «очи духовные» затмило тщеславное желание князя «искусити Дону

великаго». «Хочу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици,... а любо испити шеломомь Дону» (С.11).

Самовластие человека проявляется в том, что он сам, не оглядываясь на Бога, направляется свои стопы и, в результате, творит грех.

«Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» — констатирует Иеремия (10,23). А автор «Слова» поступками князя Игоря как бы «опровергает» слова пророка, на самом же деле, приводит примеры самовластия Игоря: «...А всядемъ, братие, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону» (С.10). «Хочу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону» (С.11). Игорь къ Дону вои ведетъ! (С.12) Нъ рекосте: «Мужаимеся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!» (С.21)

От самовластия до гордыни всего один шаг: «Накажет тебя *нечестие* твое, и отступничество твое обличит тебя; итак познай и размысли, как худо и горько то, что ты оставил Господа Бога твоего...» — предупреждает Иеремия (2,19). Но не внемлет ему Израиль, не задумывается о том и Игорь.

А великий киевский князь Святослав «мутен сон» видел в своем тереме, предвещавшем плач горький по воинам, и когда бояре сообщили ему весть о пленении Игоря и Всеволода Святославичей, обронил «злато слово», в котором дал схожую с Иеремией оценку поступков русских князей: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ *нечестно* одолесте, *нечестно* бо кровь поганую пролиясте» (С.20).

А, ведь, как все вначале благополучно складывалось! Столько уверенности было в своих силах, столько энергии, столько пыти, когда выступали в поход!

«Седлайте коней и садитесь, всадники, и становитесь в шлемах; точите копья, облекайтесь в брони» — как ни похоже на «Слово», но это из книги пророка (46;4). Однако в «Слове» призыв Всеволода к своему брату Игорю очень близок библейскому: «Седлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни сведоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелеяни, конець копия въскръмлени,...луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени» (С.11—12).

Русские войска переправляются во враждебную степь. Отысканы половцы. Динамика повествования нарастает: «...Выстраивайтесь в боевой порядок... все, натягивающие лук, стреляйте в него, не жалейте стрел...» — пророк Иеремия (50,14). Не отстает и

«Слово»: «Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы...» (С.22—23).

Еще когда Русская земля не скрылась за холмами, можно было все изменить — одуматься, возвратиться, но русские князья побоялись *человеческого бесславия*. И совершили тяжкий грех, а потому *наказание* им теперь будет уже *от Бога*: «И пошлю на них четыре рода казней, говорит Господь: меч, чтобы убивать, и псов, чтобы терзать, и птиц небесных и зверей полевых, чтобы пожирать и истреблять» (Иеремия: 15; 2—3). Природа — творение Бога — тонко чувствует *волю* своего *Создателя*: «Уже бо беды его пасетъ птиць по дубию; влъци грозу въсторожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звери зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты» («Слово», с.13).

Однако князь Игорь не внемлет посылаемым ему предупреждениям: ни затмению, ни предостерегающему поведению животных, и ведет свои полки вглубь половецкого поля. Тогда вновь проявляется Божественная воля: Господь посылает против него более сильного противника, чтобы наказать его, но не истребить! Для Господа важно осознание грешником своего проступка и раскаяние в нем.

Здесь опять появляются аналогии между Книгой пророка Иеремией и «Словом». «Вот, Я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его — как открытый гроб; все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься» (Иеремия: 5; 15—17).

«Так говорит Господь: вот, идет народ от страны северной, и народ великий поднимается от краев земли; держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосерды, голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек, чтобы сразиться с тобою… Мы слышали весть о них, и руки у нас опустились, скорбь объяла нас...» (Иеремия: 6; 22—24).

На Игоря Святославича со всех сторон идут половцы, и негде ему укрыться: «...Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ Рускыя плъкы оступиша...» («Слово», с.14). Нечто подобное уже было с Израилем: «...Ибо так говорит Господь: вот Я выброшу жителей сей земли на сей раз и загоню их в тесное место, чтобы схватили их» (Иеремия: 10;18).

Не о духовной ли близорукости предупреждал Израиль библейский пророк Иеремия, которую позднее продемонстрирует и древне-

русский князь: «…Объявите народам, известите Иерусалим, что идут из дальней страны осаждающие и криками своими оглашают города Иудеи. Как сторожа полей, они обступают его кругом, ибо он возмутился против Меня, говорит Господь. Пути твои и деяния твои причинили тебе это; от твоего нечестия тебе так горько, что доходит до сердца твоего. Утроба моя! утроба моя! скорблю во глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое, не могу молчать; ибо бы слышишь, душа моя, звук трубы, тревогу брани. Беда за бедою: вся земля опустошается, внезапно разорены шатры мои, мгновенно — палатки мои. Долго ли мне видеть знамя, слушать звук трубы? Это оттого, что народ Мой глуп, не знает Меня: неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют». (4;16—22)

Сообразно воли Божией каждого ожидает свой жребий: «...Так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть; кто под меч — под меч; и кто на голод, — на голод; и кто в плен,— в плен» (Иеремия: 15; 3). Ему вторит «Слово»: «Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла» (С.17). «А Игорева храбраго полку не кресити! (воскресить)» (С.18). Вспоминается опять Иеремия: «И будут трупы народа сего пищею птицам небесным и зверям земным, и некому будет отгонять их» (7, 33). Особый жребий у русского князя, как и у иудейского царя: «Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево. Уныша бо градом забралы, а веселие пониче» (С.19).

И дальнейшее развитие событий предсказано пророком: «Не плачте об умершем и не жалейте о нем; но горько плачте об отходящем в плен, ибо он уже не возвратится и не увидит родной страны своей» (12;10). Вот тут-то и вспоминается знаменитый плач Ярославны — жены князя Игоря: «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале…» Трижды автор повторяет эти слова. На плаче жен сосредоточил свое внимание и Иеремия: «Итак слушайте, женщины, слово Господа, и да внимает ухо ваше слову уст Его; и учите дочерей ваших плачу, и одна другую — плачевным песням. Ибо смерть входит в наши окна, вторгается в чертоги наши, чтобы истребить детей с улицы, юношей с площадей. Скажи: так говорит Господь: и будут повержены трупы людей, как навоз на поле и как снопы позади жнеца, и некому будет собрать их» (9;20—22).

Поражение Игоря печалью протекла по Русской земле: «А въстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. …А погании сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле от двора» (С.19).

Примечания

[1] *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. Т.L. — СПб., 1997. — 443.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.2-е изд. Т.29. С.16.

[3] См.: *Демкова Н.С.* Средневековая русская литература. — СПб., 1997. — С.33—76.

[4] Там же, С.48.

[5] *Котляр М.Ф.* Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? // Український історичний журнал. 1965. №1. С.117—120.

[6] Слово о полку Игореве.»ЛП». — М.-Л.,1950. — С.10. В дальнейшем страницы указываются в тексте статьи.

[7] См. обзор этих точек зрения в кн.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. — Спб., 1995. — С.201—204.

[8] Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стлб. 163.

[9]*Лихачев Д.С.* Слово о походе Игоря Святославича //Слово о полку Игореве.»БП».Большая серия. Изд.2-е.Л.,1967.- С.7.

[10] Здесь следует напомнить о родственных связях Всеволода Ярославича с греками — он был женат на византийской принцессе.

[11] См.:*Кусков В.В* Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» //»Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. — М.,1988. — С.69—72.

[12] См.:*Кусков В.В* Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве». С.71.

[13] См. ПСРЛ.,Т.2. — М., 1998.- Стлб.289.

[14] Здесь нет возможности дать аргументацию по датировке «Слова о полку Игореве», однако можно заметить, что автор знает о вокняжении Игоря Святославича в Чернигове после смерти в 1198 г. Ярослава Всеволодовича, когда Игорь и стал главой Ольговичей.

[15] ПСРЛ, Т.2.- Стлб.236. Долее столбцы указываются в тексте.

[16] Следует отметить, что 1 час ночи соответствует 17 часам, а знаменье в Печерском монастыре произошло в 16 ч. 35 мин.; солнечное затмение — в 16 ч. 48 мин.

[17] *Робинсон А.Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» //»Слово о полку Игореве».Памятники литературы и искусства XI — XVII веков. — М., 1978. — С.16 и др.

[18] См. карту-приложение «Східна Європа до кінця XIII ст. за Літописом руським» // Літопис руський. К.,1989.

[19] См. например, «Послание к римлянам» апостола Павла: «...Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (13; 1—2).

[20] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. — М., 1981. — С.426.

[21] Интересно отметить, что почти те же самые народы, что прославляли поход русских князей 1111 г. теперь «кають» Игоря Святославича!

[22] *Партыцкий О.* Слово о полку Игоревімъ. — Львів, 1884. — С.14, 35.

[23] *Соболевский А.И.* Резюме доклада в О-ве Нестора-летописца 15 февраля 1886. //»Чтения в Историческом О-ве Нестора». Кн. 2.- Киев, 1888 г.; *Он же*. Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС.- Т. XXI.- Кн.2.- 1916.- С.210—211.

[24] *Там же,* С.211. Лично мне трудно представить, как переписчик (а, скорее всего, это был монах), зная дороговизну пергамена и взявшись за серьезную работу, не изучил прежде текст переписываемого произведения, и потому исказил его, не выполнив тем самым добросовестно своего послушания! А ведь переписчики более всего боя-

лись допустить искажения переписываемого текста, почитая это за грех, и просили прощения и молитв за них в приписках к средневековым рукописям.

[25] «Слово о полку Игореве». Ред и прим. *В.А. Яковлева.* — Спб.,1891. — С. IX.

[26] *Перетц В.Н.* «Слово о полку Iгоревiм». Пам'ятка феодальної України — Русі XII віку. — Київ, 1928. — С.39—40.

[27] *Маштаков П.Л.* К тексту «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. — 1918. — Т. XXIII. — Кн.». — С.74—76.

[28] *Гудзий Н.К.* О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»// Сб. «Слово о полку Игореве».- М.-Л., 1950.- С.249—254; *Он же.* Еще раз о перстановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. — Т. XII. — М.-Л., 1956. — С.37—41. Его оппонентом выступил В.И. Стеллецкий: *Стеллецкий В.И.* К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. — Т. XI. — М.-Л., 1955. — С. 48—58.

[29] *Гудзий Н.К.* О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»// Сб. «Слово о полку Игореве». — М.-Л., 1950. — С. 251—252.

[30] Там же, С.254.

[*] Справедливости ради следует отметить, что в большинстве изданий академик Д.С. Лихачев придерживался текста «Слова» первых его издателей, но не всегда. См. подготовку им текста «Слова», изданного в «малой серии» «Библиотеки поэта» в 1949 г., где он также осуществил указанную перестановку.

[31] *Туровский Кирилл.* «Слово на собор святых отець 300 и 18...» // ТОДРЛ. — Т. XV. — М.-Л.,1958. — С.344.

[32] См. многочисленные примеры, приведенные В.Н. Перетцем: *Перетц В.Н.* «Слово о полку Iгоревiм». Пам'ятка феодальної України — Русі XII віку. — Київ, 1928. — С. 159—162.

[33] *Робинсон А.Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XII—XVII веков. — М., 1978. С.7—58. Причем, что интересно, в 8 случаях из 12 солнечное затмение предшествовало смерти князя, а в 2 случаях трудно установить, поскольку не известна точная дата смерти.

[34] Ипатьевская летопись // ПСРЛ.- Т.2.- М., 1998.- Стлб.638.

[35] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ.- Т.1. — М.,1997.- Стлб.396.

[36] Цит по: Літописні оповіді про похід князя Ігора. Упорядкування В.Ю. Франчук. — Київ, 1988. — С. 112.

[37] Слово о полку Игореве.»ЛП». — М.-Л.,1950. — С.10. В дальнейшем страницы указываются в тексте статьи.

[38] Обращаю внимание на христианское (православное) обращение князя (княжеское служение — мирское служение Богу) к своим воинам: он обращается к ним как братьям во Христе и дружинникам-воинам. Обращение «братие» — это православное обращение, а не призыв к своим единокровным братьям, как полагали некоторые исследователи в советское время. Р. Пиккио полагает даже, что это обращение было маркированным, присущим монашеской среде: «Формально фразы из «Слова» звучат ближе к традиции, в соответствии с которой *братие* понимались как члены религиозных объединений. Это не значит, что повествователь «Слова» на самом деле стремился обращаться исключительно к сообществу монахов. Тем не менее это могло означать, что он использовал маркированную формулу в духе церковной традиции и таким образом выражал согласие с особым кодом. Потерян ли этот условный знак в «Задонщине»? Или он замещен чем-то иным, но функционально равноценным? … Как бы то ни было, есть достаточные основания полагать, что значение *братие* в «Слове» изме-

нено компиляторами «Задонщины». (См.: *Пиккио Риккардо.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. — М.: Знак, 2003.— С.481).

[39] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ.- Т.1. — М.,1997.- Стлб.70.

[40] «Повесть временных лет».»ЛП». Изд.2-е.- Спб.,1996. — С.7—8.

[41] «Повесть временных лет», — С.62.

[42] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. — М.,1981.- С.426.

[43] Памятники литературы Древней Руси. XIII век,- С.428.

[44] Это не «вторoe затмение», и не ошибка автора, как полагал академик Н.К. Гудзий, а художественный образ!

[45] В этом символе кроется еще один смысл: все воины уже изначально обречены на смерть (из пяти тысяч останутся живы только пятнадцать человек), их тела покроет могильная тьма.

[46] См.: *Клейн И.* Донец и Стикс (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») //Культурное наследие Древней Руси.- М.,1976. — С.64- 68.

[47] *Ужанков А.Н.* О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII веков. — М.,1996. — С.32—37.

[48] См.: *Клейн И.* Донец и Стикс (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») //Культурное наследие Древней Руси.- М.,1976. — С.64- 68.

[49] Это уточнение, как мне кажется, весьма существенно по смыслу, и дает указание на время написания поэмы. Автор вполне мог ограничиться сообщением, что «Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкой на землю Рускую», но указание «къ отню злату столу» существенно нарушает логику повествования: исторически Игрь вернулся в Путивль, а затем — в Новгород-Сверский, потом совершил поездки в Чернигов и Киев. По «Слову» — «Игорь едеть по Боричеву къ святей Богородици пирогощей», т.е. оказывается в Киеве, хотя это не его отца престольный город. А «отни златъ столъ» находится в Чернигове, о котором в произведении ни слова! Разве автор об этом не знает? Знает, конечно, но умышленно так написал. Примечателен и предлог, который он использовал в данном случае: «**къ** отню столу», а не **на**, как «на землю Русскую». Игорь и не сел на отчий престол по возвращении из плена (это произойдет только в 1198 г.), но уже приблизился к нему по воле Божией, ведь княжеская власть — от Бога. Но уже произошло преобразование в Игоре, что способствовало не только получению помощи от Бога при возвращении из плена, но и обрести в будущем отчий престол в Чернигове.

Эта деталь позволяет полагать, что автор, когда писал «Слово», знал о княжении Игоря Свтославича в Чернигове. В противном случае, не было бы христианской назидательности в произведении: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И до конца не была бы раскрыта его основная идея. А вот о кончине Игоря, скорее всего, автор не знал...

[50] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — Т. 2. — Стлб. 642—644.

[51] Ипатьевская летопись, Стлб.649.

[52] Ипатьевская летопись, Стлб.651.

[53] Памятники старинной русской литературы. — Спб., 1862. — Вып. 3. — С.169.

[54] *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. — T.L. — СПб., 1997. — С.435.

[55] См.: *Кусков В.В* Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. — М., 1988. — С.69—72.